

Лев Лосев

Иосиф Бродский

опыт литературной биографии

Издательство «Молодая гвардия» благодарит Дмитрия Быкова за помощь в осуществлении данного издания в серии «ЖЗЛ»

The lesser commenting upon the greater has, of course, a certain humbling appeal, and at our end of the galaxy we are quite accustomed to this sort of procedure.

Иосиф Бродский¹

Вступление

Ничто в двадцатом веке не предвещало появления такого поэта, как Бродский.

Чеслав Милош

О гениальности

И правда, Бродского нельзя было предсказать. В последние десятилетия двадцатого века, в период кризиса скомпрометированных идеологий, когда само существование нравственных абсолютов и вечных эстетических ценностей было взято под сомнение, Бродский писал о борьбе Добра и Зла, Правды и Лжи, Красоты и Безобразия. Писать об этом, по словам Милоша, можно, лишь соблюдая некий нравственный кодекс: поэт «должен быть богобоязненным, любить свою страну и родной язык, полагаться только на свою совесть, избегать союзов со злом и не порывать с традицией»². Но главное у Бродского, добавляет Милош, «его отчаяние, – это отчаяние поэта конца XX века, и оно обретает полное значение только тогда, когда противопоставлено кодексу неких фундаментальных верований. Это сдержанное отчаяние, каждое стихотворение становится испытанием на выносливость»³. При этом голос его поэзии звучал непререкаемо, как голос власть имеющего. Александр Кушнер, всегда чутко откликавшийся на поэзию Бродского, писал: «Я смотрел на поэта и думал: счастье, что он пишет стихи, а не правит Римом...»

Высокую авторитетность поэтическому голосу Бродского придавала гениальность.

1 On Grief and Reason. P. 300. (Есть своего рода смиренная привлекательность в том, что меньшее комментирует большее, и в нашем уголке Галактики мы привыкли к подобного рода процедурам.)

2 Труды и дни. С. 239.

3 Там же. С. 240.

Если кому-то это заявление покажется пустым или тавтологическим, то это оттого, что понятие «гениальности» затрепано бездумным, развратным употреблением. Между тем оно имеет вполне конкретное значение, связанное с однокоренным словом «генетика». Усиленная по сравнению с нормой витальность благодаря редкой комбинации генетического материала проявляется во всем – в глубине переживаний, силе воображения, харизматичности и даже физиологически, в ускорении процессов взросления и старения.

Гениальность невозможно определить научно, хотя такие попытки и делались⁴. Даже если ученые могут описать определенные психофизиологические характеристики, свойственные особо выдающимся художникам, сами по себе они еще не являются гарантией творческих достижений. Человек, ими обладающий, может быть великим поэтом, а может быть и городским сумасшедшим. Признание гениальности, талантливости, одаренности – вопрос мнений. Мне, скажем, самой лучшей представляется аксиология, предложенная Цветаевой в статье «Искусство при свете совести»: «Большой поэт. Великий поэт. Высокий поэт. Большим поэтом может быть всякий – большой поэт. Для большого поэта достаточно большого поэтического дара. Для великого самого большого дара – мало, нужен равноценный дар личности: ума, души, воли и устремления этого целого к определенной цели, то есть устроение этого целого. Высоким же поэтом может быть и совсем небольшой поэт, носитель самого скромного дара... силой только внутренней ценности добывающийся у нас признания поэта»⁵. Цветаевский «великий поэт» и есть гений. «Гений: высшая степень подверженности наитию – раз, управа с этим наитием – два. Высшая степень душевной разъятости и высшая – собранности. Высшая – страдательности и высшая – действительности. Дать себя уничтожить вплоть до последнего какого-то атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастет – мир»⁶.

Гениальность не является личной заслугой, так как она по определению врожденное качество или, говоря старинным поэтическим языком, «дар». Мы чтим поэта не за то, что он родился не таким, как мы, а за ту волю, которую он приложил к своему дару. Бродский имел право гордиться тем, что он свой дар «не зарыл, не пропил» («Разговор с небожителем», КПЭ). Объяснить феномен гениальности невозможно. Как сказала о великих поэтах Ахматова: «Про это / Лучше их рассказали стихи». У нас речь пойдет не о тайне личности Бродского, а о мире, в котором он жил и который так или иначе отразился в его стихах.